

известия, - 1999, - 18 авг. - с. 5

Гении и политика

Как поссорились Сальвадор Дали и Луис Буньюэль

Владимир ВЕРНИКОВ

О юношеской дружбе и творческом взаимовлиянии трех знаменитых испанцев — Сальвадора Дали, Федерико Гарсиа Лорки и Луиса Буньюэля — написаны тома. О том, почему и в силу каких обстоятельств их дружба не выдержала испытание временем, рассказывают увесистые фолианты биографов и опубликованные письма друг к другу. И если долгие годы общепринятой версией ссоры были утверждения о существовании любовного треугольника, разбившегося о быт, то найденные некоторое время назад письма Дали к Луису Буньюэлю выявляют куда более серьезные причины.

Оба письма Дали хранились в архиве великого режиссера у его родственников в Мексике и датированы 1939 годом. На них наткнулись случайно, и, возможно, предстоящее вскоре в Испании празднование 100-летия со дня рождения Буньюэля стало удобным поводом для публикации. Они представляют собой, как нетрудно понять, ответы на письма в его адрес — несохранившиеся, — хотя их содержание легко угадывается. К моменту их написания Дали, как бы он от этого ни открещивался в последние годы жизни, отдавал свои симпатии Франко, а Буньюэль оставался убежденным республиканцем, вынужденным томиться в изгнании.

Оставим пока их политические разногласия без комментариев и поговорим об обстоятельствах, вызвавших эти письма. В апреле 1939 года Луис Буньюэль жил в Голливуде, но незадолго до этого потерял единственную кормившую его работу — консультанта

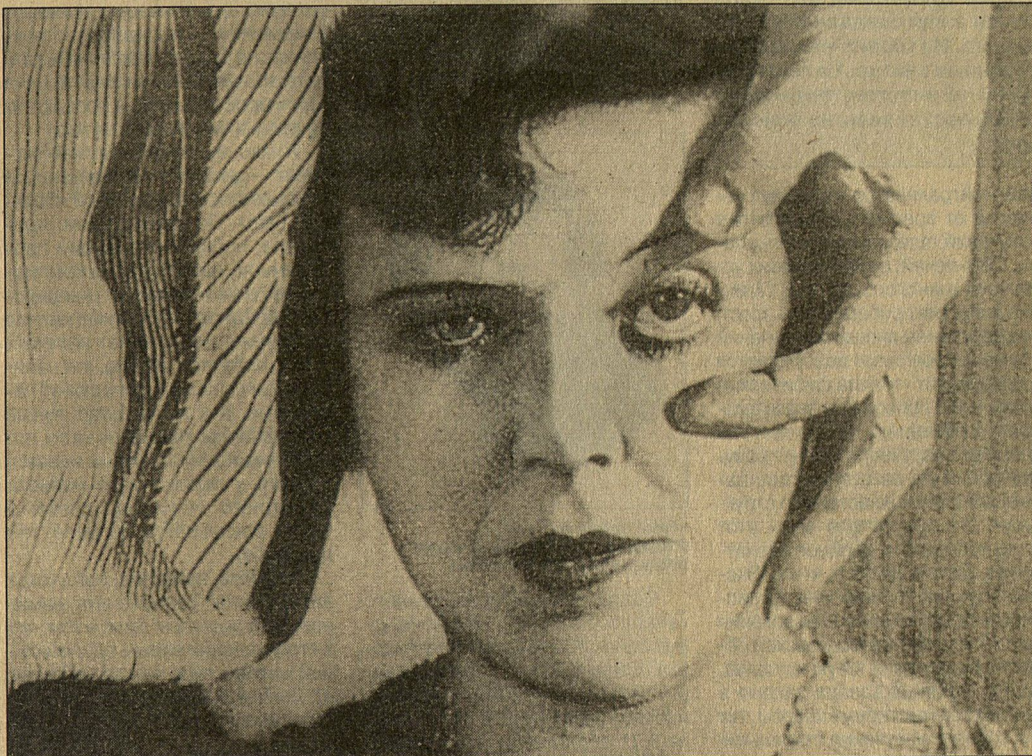
фильмов о гражданской войне в Испании, снимавшихся потоком. Он бедствовал. А Сальвадор Дали после удачно прошедшей на Манхэттене выставки своих работ купался в деньгах. К тому же он только что получил выгодный заказ на оформление павильона сюрреализма на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Хвалебные рецензии в изданиях Херста сделали его модным, он жуировал и наслаждался жизнью.

В своем первом письме Буньюэль, судя по ответу Дали, делился светскими новостями, в том числе голливудскими сплетнями о разводе художника с женой, спрашивал, нет ли у него кинематографических планов. Продолжая считать Дали своим другом, признался в том, что изменил свои взгляды на марксизм, отдалился от него.

Ответное послание было достаточно дружеским: никакого развода нет и не предвидится, нет и планов поработать в кино — денег хватает. Что же касается «марксизма-коммунизма, то советую дезинфицироваться от всех марксистских взглядов, — писал Дали. — Так как марксизм, с философской точки зрения, самая фальшивая и дурацкая теория нашей цивилизации, а сам Маркс — вершина абстракции и глупости».

Любопытно примечание на полях письма. Дали сообщает, что доходящие новости из Испании радуют и удивляют: даже его отец, убежденный националист-каталонец, превратился в фанатичного почитателя генерала Франко и что «революционный опыт у нас оказался столь ужасным, что все недавние республиканцы, убежденные антиклерикалы и националисты, поддерживают новый режим».

Получив столь доверительное

Кадр из фильма Луиса Буньюэля «Андалузский пес»

письмо, Буньюэль пишет новое. В нем он просит выручить его — дать в долг, хотя знал о болезненной страсти к деньгам и жадности Дали. Ответ был молниеносным и раздумий, которые сейчас изложу». Вот уже три года, объяснял Дали, он целиком поглощен проблемой объективной случайности, которая включает в себя пророческие сны, хиромантию, астрологию, интерпретацию судьбы по са-

мым незначительным событиям, эгоцентризм и «владение своими чувствами в любой ситуации, чтобы с максимальной интенсивностью проживать ее (основа наслаждения, по Фрейд)». И дальше: «Все предсказания и мой опыт последних лет противятся тому, чтобы я одолжил тебе деньги... Я сейчас стремлюсь избавиться от комплекса Гильермо Телля, положить конец вражде со своим отцом и укрепить состояние нашей семьи, которой посылаю все деньги».

В этих строчках все правда: и увлечение Дали медиумами, и воз-

родившийся в нем давний комплекс неоплатной вины перед отцом, вызванный семейными несчастьями. Тот самый комплекс, который еще раньше, в начале 30-х годов, вызывал его восхищение фигурой Гитлера как отца нации.

Письмо заканчивается изложением планов Дали на будущее, которые по духу своему были близки к идеям испанских фашистов из фаланги: «Моя жизнь будет отныне сориентирована на Испанию и на Семейю, на планомерное разрушение моего инфантильного прошлого, олицетворяемого ста-

рыми мадридскими друзьями и картинами без наполненного содержания. Да здравствует акулий индивидуализм, который пожирает слабых (Ницше), и реалистический сюрреализм! Испания предназначена править миром». Подписался он одним лишь словом — «Сюрреалист».

Однако такого отречения от прежних левых идей и друзей молодости ему показалось недостаточно, и он делает любопытное примечание, объясняющее истинную причину своего отказа. «В прошлом наше сотрудничество, — пишет он, — оказалось плохим для меня. Вспомни, каких усилий мне стоило восстановить мое имя в «Андалузском псе».

История тогда и впрямь произошла непонятная. Бесспорно, что Дали был соавтором сценария этого самого первого фильма Буньюэля, вмиг сделавшего его знаменитым. Имя Дали поначалу значилось в титрах, но потом исчезло. Утверждают, что его снял сам режиссер из-за какой-то очередной экстравагантной выходки Дали, но не сказал ему.

И вот теперь пришел момент, решил Дали, взять реванш. И делает он это с холодной расчетливостью. Именно так и понял письмо умный и проницательный Буньюэль, который после этого случая ничего не желал слышать о Дали.

Дальнейшее известно: Буньюэль вернулся в кинематограф, создал несколько блестящих фильмов и не раз категорически отказывался сотрудничать в какой бы то ни было форме с Дали, который неоднократно предпринимал попытки возобновить отношения. Два неизвестных ранее письма впервые объясняют, почему их пути разошлись.

Мадрид